

— Господин, госпожа, из дворца прибыл посланник, — доложила проворная служанка, войдя в главный зал и почтительно поклонившись сидящим хозяевам дома Тан.

— Проси, — Тан Юньци поднялся с кресла, быстрыми шагами направился ко входу в зал, готовясь встретить гостя.

Слуги ввели в зал полноватого евнуха, похожего на перевернутую неваляшку: маленькие ножки едва удерживали тучное тело, а походка была настолько неуклюжей, что казалось, вот-вот он закачается. Однако во всей столице не нашлось бы человека, осмелившегося выказать ему хоть тень насмешки.

Великий евнух Ли Хэчжун был приближённым самого императора, начальником Управления церемоний. Даже три великих секретаря оказывали ему почтение, что уж говорить о Тан Юньци, не обладавшем реальной властью.

— Господин Тан, как я смел утруждать вас личной встречей? — с сияющей улыбкой произнёс евнух Ли.

— Господин Ли, вы шутите. Если вы сообразовали пожаловать, значит, дело важное. Как Тан может не отнестись к этому со всей серьёзностью?

— Я принёс устный указ Его Величества, — евнух Ли остановил Тан Юньци, собиравшегося поклонить колени. — Не стоит церемоний, господин Тан. Его Величество изволил сказать: тайный указ не требует огласки.

— Тогда прошу, господин Ли.

— По высочайшему слову, старшему внуку семьи Тан, Тан Юаню надлежит явиться во дворец через полмесяца для аудиенции. — Евнух Ли, всё так же улыбаясь, принял от слуги протянутый мешочек с серебром, взвесил его на ладони и с довольным видом добавил:

— Господин Тан, Его Величество сообразовал вспомнить, что молодой Тан пребывает в странствиях и может не успеть вернуться вовремя, а потому даровал ему две недели на дорогу. Как раз через полмесяца наступит Праздник середины осени, ко двору будет направлен эскорт, а вся ваша почтенная семья также приглашена на пир. По мнению этого ничтожного слуги, если молодой Тан окажется полезным, ваша семья обретёт ещё одного высокопоставленного сановника.

Проводив евнуха Ли, родители Тан Юаня остались сидеть друг напротив друга с горькими улыбками.

Положение семьи Тан было непростым. Тан были одной из ведущих аристократических семей столицы, и Тан Юньци, отец Тан Юаня, являлся главой рода в этом поколении. Однако со времён предыдущей династии влияние знатных домов ослабло, и им пришлось всё больше полагаться на милость трона. Тан Юньци хоть и носил титул высокопоставленного чиновника, но был лишён реальной власти, занимая лишь почётную синекуру. Мать Тан Юаня была старшей принцессой, любимицей покойного императора, и, казалось бы, должна была купаться в лучах славы. Но после кончины отца на престол взошёл наследник, и его отношение к старшей сестре стало более чем прохладным. А после рождения Тан Юаня эта прохлада и вовсе превратилась в лёгкий морозец.

Как ни старались они избежать этого, судьба настигла. Не ушли.

Тан Юньци взглянул на лицо супруги, искажённое тревогой, молча обнял её и притянул к себе:

— Ничего. Наш Юань прошёл через большие испытания и остался жив — значит, удача ещё при нём. Он умен, с ним всё будет в порядке.

В это же самое время почтовый голубь взлетел с маленького дворика в столице. Птица, вырвавшись из рук выпускавшего её человека, захлопала крыльями, разрывая сгущающиеся сумерки, и помчалась прочь, в дальнее небо, подобно белому призраку.

(6)

— Гу-гу! — Белый голубь опустился на верхушку походной палатки в лагере. Его алые лапки вцепились в самую макушку брезента, чёрные глазки-бусинки быстро бегали по сторонам, выискивая место поудобнее.

Внезапно он словно кого-то узнал, взмахнул крыльями и спикировал вниз, аккуратно на плечо самому высокому начальнику снаружи — капитану армии клана Юань.

— Ой, что это? — Птица, неожиданно с шумом опустившаяся на плечо, изрядно напугала капитана. Он дёрнулся и чуть не сбросил голубя.

Голубь взмахнул крыльями, удержал равновесие, затем клюнул капитана в плечо что есть силы и важно выпятил грудь. На птичьей мордочке так и читалось: «Как ты смеешь меня не узнавать?»

Капитан пригляделся к голубю, и лицо его вытянулось. Бережно, словно неся драгоценную реликвию, он понёс птицу к главной палатке:

— Генерал! Генерал! Ваш голубь опять прилетел!

В душе он ворчал: «Что с птицы взять, что с хозяина. Прямая вылитая копия этого молодого господина Тана, весь его гонор тут как тут».

— Быстрее, ваша почтовая птица.

Юань Сяо находился в главной палатке, изучая тактическую карту на песочном столе. В мирное время он в основном был не у дел — кроме как тренировать оставшихся бойцов этого жалкого остова, некогда грозной армии клана Юань, ему и заняться было нечем.

Армия клана Юань — звучало гордо, будто это частные войска рода. Но теперь двор под разными предлогами переманил к себе лучшие силы, оставив лишь жалкие остатки. Юань Сяо, генерал, защитник государства, остался лишь призраком бывшего звания. Император не потерпел бы роста его военного влияния, поэтому все сколько-нибудь значимые поручения обходили его стороной. В результате и армия клана Юань осталась не у дел.

— Дай сюда. — Юань Сяо взял голубя, снял с его алой лапки маленький цилиндрок, вытащил оттуда чистый лист бумаги. На нём не было ни слова. Юань Сяо смочил лист водой, затем осторожно поднёс к пламени свечи, чтобы просушить.

Работа требовала большой аккуратности — одно неверное движение, и бумага вспыхивала. Но Юань Сяо справлялся с лёгкостью, вероятно, отточил навык за долгие годы службы. Когда-то на северных границах бывали дни, когда он только и делал, что принимал и отправлял зашифрованные донесения, почти не находя времени на сон.

Под жаром пламени на бумаге проступила строка текста, в подробностях описывающая указ императора о вызове Тан Юаня в столицу. Слова были выведены крошечными иероглифами, и, если смотреть бегло, они сливались в густую, рябщую в глазах сетку.

Император всегда смотрел на аристократические семьи во главе с Тан как на занозу в глазу и шип в плоти, мечтая, чтобы отпрыски знатных родов были одними лишь гуляками, день за днём расточающими семейное достояние. С чего бы это ему вдруг вызывать Тан Юаня обратно?

«Зачем же...» — пальцы Юань Сяо отстукивали дробь по краю стола, брови сведены в глубокую складку. После долгого раздумья он резко поднял голову и отдал капитану приказ:

— Быстро! Составь доклад для императора. Пиши: к Празднику середины осени армия клана Юань желает прибыть в столицу для представления отчёта!

— Есть! — Капитан тут же спохватился. — Но, генерал, император всегда нас опасался. Вряд ли он разрешит вернуться?

— От армии клана Юань остались лишь эти жалкие остатки. Как бы он ни боялся, открыто отказать не посмеет — это будет выглядеть как слабость. Раз я прошу, император ради сохранения лица обязательно выделит какое-нибудь вознаграждение. Пусть братья пропьют его! И добавь в доклад от моего имени: похоже, при дворе что-то затевается, и мне, видимо, снова предстоит стать козлом отпущения.

Юань Сяо часто упрекал Тан Юаня в том, что тот пренебрегает семьёй, но сам уже несколько лет не бывал дома. Проезжая мимо столицы, он иногда останавливал коня у городских ворот и смотрел вглубь улиц. Но без разрешения на въезд он не смел пересекать границу города, и вся связь с домом держалась на почтовых голубях.

В это же самое время в другом месте кто-то получил письмо с просьбой о помощи издалека, а кто-то мчался во весь опор, направляясь напрямик в Лоян.

— Эй-эй! Леденцы на палочке!

— Пирожки с тонким тестом да сочной начинкой! Молодой господин, не желаете парочку?

Это был самый оживлённый рынок Лояна, где царил неумолкающая суэта, а покупатели и продавцы сновали туда-сюда.

В самом центре рынка, на лучшем месте, стояло здание с высокими взмывающими крышами, покрытыми плотно подогнанной голубой черепицей, уложенной, словно рыба чешуя. Под карнизом, у самого входа, висела бронзовая колокольня, а под ней болталась верёвка толщиной в человеческое запястье. Двери из резного соснового дерева всегда были распахнуты настежь. Войдя внутрь и подняв глаза, посетитель видел огромную табличку с четырьмя иероглифами: «Чудесное возвращение весны».

Это и было знаменитое на весь мир боевых искусств лечебное заведение — Долина Персикового Цвета.

Главное управление Долины Персикового Цвета располагалось не в горной долине — там находились лишь плантации лекарственных трав. Долина специализировалась на медицине, и её главный зал, хоть и стоял в самом шумном месте, внутри хранил удивительное спокойствие. Стоило переступить порог Долины Персикового Цвета, как тебя окутывал умиротворяющий

аромат целебных трав.

У южной стены стояли три лекарственных котла, в которых булькало и кипело снадобье, наполняя зал паром. Сквозь эту дымку сновали ученики-помощники с весами в руках, доставая из бесчисленных ящичков лекарства для посетителей.

— Байчжу — два цяня, хуанци — два цяня, ганьгэ — пять фэней, шэнма — один цян, хуанцинъ — один цян, ганьцао — пять фэней... — Гао Шиюй, стоя на табуретке, открыл ящик с соладкой, отмерил последний ингредиент и собрался слезть.

Внезапно снаружи донёлся звон колокольчика: «Дзан-дзан-дзан!». Гао Шиюй насторожился, поспешно спрыгнул, завернул травы в грубую бумагу, ловко завязал узел и протянул клиенту:

— Возьмите, пожалуйста. Наш хозяин вернулся, прошу прощения за задержку.

Когда он вышел, Шэнь Дуань уже спешивался. На нём была простая одежда из синей холщовой ткани, а на голове — низко надвинутая бамбуковая шляпа. Со спины лошади он снимал длинный, простой на вид меч. Клинок был длиной более трёх чи, на нём не было ни малейшего украшения, только на гарде криво вырезанный иероглиф «Шэнь».

— Старший брат-учитель. — Гао Шиюй принял меч и проводил Шэнь Дуаня внутрь. Шэнь Дуань шагал широко и стремительно, проходя мимо прилавка, не замедляя шага, и направился напрямик во внутренний двор.

<http://bllate.org/book/16265/1463507>